
КРИЗИС ЭКОЛОГИИ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ*

Ильин А. Н.**

В статье рассматривается проблема угнетения природы в условиях глобального технократически-консьюмеристского общества. Исходя из потребительских стратегий максимизации прибыли, бизнес (в том числе глобальный) усиливает избыточное давление на природу. Для общества потребления характерен тренд не просто приобретения вещей, а приобретения именно новых брендовых вещей. Культ новизны выливается в перманентное потребление, в погоню за быстро изменяющейся модой. Мода и реклама призывают осуществлять нерациональный цикл «покупка – выброс – покупка». В статье показано, что культура потребления нейтрализует экологическое сознание. Также представлена общая характеристика возрастания экологических рисков, связанных с развитием технологической инфраструктуры.

Ключевые слова: природа, экология, потребление, технократически-консьюмеристское общество, экологическое сознание, риск, общество риска.

The article considers the problem of oppression of nature in the context of global technocratic consumer society. Based on consumer strategies to maximize the profit, the business actors (including the global ones) enhance excessive pressure on nature. The consumption society is characterized by the trend not just to buy things but to get just new brand items. Things have symbolic richness which emphasizes the status of the owner. The cult of novelty results in permanent consumption and in pursuit of rapidly changing fashion. The article shows that the culture of consumption can eliminate environmental consciousness. The author also presents a general characteristic of the increasing environmental risks associated with the development of technological infrastructure.

Keywords: nature, ecology, consumption, technocratic consumer society, environmental awareness, risk, risk society.

Современный глобальный мир – это мир технократического потребительского капитализма. Технократически-консьюмеристские (прогрессивистские, техногенные) общества воспринимают природу как субстанцию, заслуживающую порабощения человеком, и делают акцент на прикладной науке, вырабатывающей методологию закрепощения природы. В отличие от них традиционалистские общества воспринимают себя интегрированными в природу как живой метаорганизм и вместо прикладной науки делают ставку на традиции, мифы, религию. Технократизм абсолютизирует инновационность и научно-технический прогресс, надеясь на достижение социального, экономического, технологического совершенства в буду-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (государственное задание).

** Ильин Алексей Николаевич – к. ф. н., доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: ilin1983@yandex.ru.

шем. Традиционализм холодно относится к прогрессу, усматривая «золотой век» человечества в прошлом, а в будущем видит продолжение прошлого.

По замечанию А. Н. Чумакова, глобальные изменения и общечеловеческие проблемы – результат многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество – природа»; причины их появления укоренены в истории становления современной цивилизации, которая породила обширный кризис индустриального общества и технократически ориентированной культуры [Чумаков 2012]. Ранее успехи индустриального капиталистического развития формировали и укрепляли веру в прогресс всех сфер жизни общества, в возможность человека безнаказанно покорить природу. По мере усложнения знания об окружающем мире происходило углубление научно обоснованных методов влияния на мир, на природу. Процесс усовершенствования технологий вел к усовершенствованию деятельности человека, преобразовывающего природу. Техногенез в своей развитой форме создал возможность для давления на природу, для реализации волюнтаристской деятельности по отношению к окружающей среде.

В итоге совершенствование влияния на природу превратилось в антиприродную деятельность. Как отмечает М. А. Жутиков, построен внутренне отторгнутый от природы, антагонистичный ей (и жизни) «синтетический мир», который подчиняется собственным законам, полагая природу служанкой для удовлетворения своих потребностей, а ее ресурсы – своим материалом. Он прорастает в живые ткани природы и замещает их собой, что следует квалифицировать как злокачественное перерождение техноцивилизации [Жутиков 2010]. Человек создал высокий уровень комфорта из природного материала. Однако этот комфорт сегодня оборачивается рядом экологических проблем. Человеку не удалось достичь исковой свободы от природы, от ее слепой силы. И это закономерно, ведь части не дано обрести свободу от целого. Победа человека над природой – это победа в том числе над самим собой. Человек втянул себя собственными победоносными действиями в состояние погребенности под завалами своего триумфа. Поэтому вполне обоснованы десакрализация идеи спасения с помощью НТП от всех грозящих человечеству бед и формирование нового подхода, согласно которому данная идея именуется мифологемой, тотальным заблуждением. Возникает *противоречие между мощнейшим развитием техники и недоразвитостью экологического сознания человека*.

На протяжении веков человечество повышало с помощью НТП производительность труда и объем производимой продукции, не заботясь о цене этого роста, которая стала наиболее ощутимой именно в последнее время. У природы берется максимум любой ценой – путем использования ресурсозатратной и разрушающей природную среду техносферы, которая, вступив в антагонистическое противоречие с окружающей средой, стала детонатором гибели человечества [см.: Ковальчук и др. 2013]. Человек превратил природу в вещь-исключительно-для-себя. Проективно-конструктивное отношение к миру, воплощенное в попытке человеческого контроля над окружающей средой, ее преобразования, привела не только к освобождению человека от природы, но и к возникновению антагонизма «антропность – природность». Человек как часть природы противостоит природе, избрав самого себя в качестве меры всех вещей. Он представляет планету как сырье, которое позволительно безраздельно расхищать ради выгоды. Если в античном мире разум был призван осмысливать мир, то в Новое время – преобразовы-

вать его. Если ранее природа метафорически представлялась как живой организм, теперь – как механическая машина, бездушие которой как бы делает из нее пассивный объект, позволяет творить с ней что угодно. Может быть, есть смысл не забывать мудрость прошлых веков, а вспомнить ее с учетом дня сегодняшнего. Подчиняя себе природу, как бы антропологизируя ее, человек тем самым увеличивает риски для антропности. Подчиняя природу, он аннигилирует среду, без которой не может существовать. Если человек и природа не едины, то по крайней мере они неотделимы друг от друга. И человек нуждается в природе намного больше, чем природа – в нем. Наконец, благополучие человека и природы тесно связаны. Человек существует потому, что существует природа, но не наоборот.

Как заметил еще Г. Маркузе в эссе «Природа и революция», новому (социалистическому) обществу надлежит ненасильственно осваивать природу, которая должна предстать не веществом, но жизненной силой с присущими ей правами, субъект-объектом. Пока же, в условиях технократического капитализма, она стала «объектом научно организованной агрессии» [Маркузе 2011: 363] – не просто использования, а именно агрессии. Ведь иначе то, что человечество делает с природой, назвать нельзя. *Человеческое освоение природы обернулось бесчеловечным ее угнетением.* «Но институты капитализма беспрецедентно поддерживают всех людей (как власть имущих, так и простых людей) в жадности на законных основаниях... Глобальное “массовое производство, массовое потребление и массовые отходы” загрязняют Землю все с большей скоростью и в больших масштабах, и все больше толкают человечество к глобальному экологическому кризису. Таким образом, мы можем утверждать, что институт капитализма также является причиной глобального экологического кризиса» [Лю 2013: 40]. Похожее мнение находим у И. Валлерстайна [Глобалистика... 2016: 43–44], который в качестве важных причин деградации окружающей среды видит потребность предпринимателей в сокрытии издержек на экологические меры (эти издержки – барьер для максимизации прибыли) и недостаток стимулов для принятия экологически целесообразных решений [Валлерстайн 2004].

Ранее мы рассмотрели проблему антиэкологического потенциала культуры потребления [Ильин 2013]. В данной статье мы углубим наш анализ. Глобальная экологическая нестабильность перманентно нарастает, и одним из ее главных движущих сил является потребкульт, который в экоконтексте следует определять как метадеформацию сознания и деятельности общества, препятствующую формированию и реализации экологических модернизационных проектов. Именно на базе технократического антропоцентричного уклада возникло общество потребления, которое сегодня, в эпоху актуализации глобальных экологических проблем, призвано быть трансформированным в новый тип цивилизационного развития, преодолевающий недостатки как традиционализма, так и прогрессивизма. Те ценности, которые с точки зрения технократизма кажутся абсолютными и непогрешимыми, необходимо подвергнуть критике.

Логика рынка решает задачи, выгодные определенному субъекту и имеющие сиюминутное значение, тем самым создающие проблемы другим субъектам, а возможно, и самому инициатору решения этих задач в долгосрочной перспективе. Частный экономический актор ориентирован на прибыль, а расходы на природоохранную деятельность, на экологическую оптимизацию своего производства считает нерациональными в смысле выгоды издержками. Исходя из позиции соб-

ственника, подход по минимизации мер является разумным. С точки зрения интересов общества он оказывается совершенно неразумным. Экологически ответственным может быть государство, но не частный бизнес. Рациональность и оптимальное планирование каждого отдельного актора приводят к «производственному хаосу».

Псевдопотребность перепотреблять фундирована стремлением держателей капитала посредством моды и рекламы «воспитывать» общество так, чтобы каждый покупал как можно больше, выбрасывал купленные товары как можно раньше и покупал вновь. Производители гаджетов постоянно создают новые модели и рекламируют их, чтобы потребители сокращали срок пользования каждой моделью и заменяли ее другой, даже если предыдущая находится во вполне функциональном состоянии. Здесь имеется в виду эффект морального устаревания товаров, феномен не технологической истощенности, невозможности дальнейшей эксплуатации, а выхода из моды. Или же производители используют эффект физического устаревания товара, когда сотовый телефон, телевизор, компьютер, холодильник и т. д. производятся недолговечными; в таком случае покупатель будет вынужден старый поменять на новый. Оба эффекта являются запланированными, специально используемыми и в конце концов обеспечивают функционирование принципа перманентного обновления вещей [Ильин 2014; 2015].

Возникает впечатление, что человечество не может остановиться в своей антиприродной деятельности. Такое впечатление вполне закономерно при взгляде на крупные корпорации, которые создают все больше ненужных гаджетов, обеспечивают их быстрое устаревание и своим маркетингом приучают общество «идти в ногу со временем», покупая и выбрасывая, затем снова покупая новые устройства и через непродолжительное время их выбрасывая, чтобы приобрести еще более новые, усовершенствованные, наделенные статусом, символичностью. Руководство корпораций понимает антиприродный эффект от своей сверхпроизводительной деятельности. Однако когда дело касается прибыли и выживания в конкурентной среде, экологические приоритеты уходят на задний план. Когда есть бизнес, нет времени и ресурсов задумываться об экологии – особенно если бизнес построен на эксплуатации природных ресурсов. Корпоративные интересы для воротил капитала выше интересов человечества. Фразу одной из героинь футурологического романа А. Зиновьева «Глобальный человек» можно применить и к наличной реальности: «Мы перешли границу нашей власти над природой. В результате мы потеряли власть над самой нашей способностью властвовать над природой и перекраивать ее по своему усмотрению. Мы вступили в высшую фазу нашей искусственности – она сама стала для нас естественностью высшего уровня» [Зиновьев 2003: 248].

Приобретая новый гаджет и выбрасывая предыдущий только потому, что он вышел из моды, мы редко задумываемся, что такими действиями укрепляем антиприродную капиталистическую систему. Ведь каждое такое потребительское действие по сути носит антиприродный характер. Но в нашем сознании играет значительную роль «магия малых чисел», эффект минимализма, согласно которому формируется идеологема «подумаешь – поменял телефон, из-за меня одного ни с чего не убудет». Но когда таких «меня одного» насчитываются миллионы и сотни миллионов, тогда этот солипсистский минимализм перестает себя оправдывать. Однако он все равно функционирует в сознании потребителя. Ведь перед его

взором не встает картина миллионов других, таких же, как он, кто покупает, выбрасывает до срока реального (физического) износа изделия и снова покупает. Он не видит, сколько ресурсов расходуется на каждый предмет его вождения и сколько расходуется на огромные тиражи этих предметов. Он не лицезреет совокупный итог деятельности всех этих «меня одного». Он вовлекается в бессмысленный цикл «потребление – выброс – потребление» не сообразно своим личным потребностям, а сообразно тем потребностям, которые ему навязывают мода, реклама и маркетинг как мощные элементы потребительской инфраструктуры.

В обществе потребления, где искусственным путем задается быстрый темп циклу «купил – выбросил – купил», увеличивается избыточное производство, которое создает не действительно необходимые для удовлетворения нормальных человеческих потребностей продукты, а гаджеты, нужные для удовлетворения фиктивных (навязанных модой и рекламой) потребностей. Для этого необходимо нарастание используемого сырья. Вследствие такой производственной избыточности возникают две масштабные проблемы: 1) гипериспользование ресурсов; 2) нарастание объема мусора различных видов (загрязнение атмосферы, воды, почвы и т. д.). Идеология потребления вместо экономии, солидарности, самоограничения, скромности абсолютизирует противоположную ценность – безответственную трату. Безудержный консюмеризм приводит к кризису личности, общества и природы.

Как отмечает В. А. Кутырев, характерный для современного общества потребления хаотичный новационизм своим острием направлен в сердце экологии [Кутырев 2011]. С этим безумным процессом новационизма автор связывает такие понятия, как «устойчивая неустойчивость», «непрерывный кризис», «де(э)волюция человеческого бытия», «эпоха Вырождения», «новационная истерия» и «неомания». Экологически ненормально, когда изделия устаревают на этапе своего начального функционирования или вообще на этапе замысла, когда происходит бесконечная требующая ресурсов смена гаджетов, руководимая не их реальным изнашиванием, а выходом из моды. Экологически ненормально, когда не прогресс служит целям общества, а общество, человек и природа становятся инструментами прогресса, этой выгодной столпам коммерции новационной истерии. Общество и человек превращаются в человеческий фактор, в юзеров (пользователей) прогресса, проходящих перманентную идеологическую обработку, призывающую много потреблять и не останавливаться на достигнутом. В результате такой прогресс оборачивается экологическим упадком и регрессом самого общества и человека, их потребностно-духовной сферы.

Технократическая потребительская цивилизация ненасытна в принципе, а потому антиприродна и антибиосферна. Она расточает ресурсы так, что превращается во врага биосферы и природы, а заодно в паразита-самоубийцу, если рассматривать данное явление в глобальном – планетарном – смысле. Человечество – элемент более крупной и сложной системы – Биосферы Земли. Ее состояние, как пишет Е. Д. Яхнин, определяется воздействием на нее внешней среды и взаимодействием составляющих ее элементов друг с другом. Воздействие среды (окружающего биосферу земного и солнечного вещества) осталось прежним, а взаимодействие составляющих ее элементов изменилось вследствие влияния человечества (как ее элемента) на природу, и биосфера стала терять устойчивость [Яхнин

2009]. Природа представляет собой вещь, призванную удовлетворить неумеренный аппетит современной цивилизации.

Потребительский парадокс заключается в том, что рынок товаров и услуг сверхизобилен, но построенный урбанистический порядок сформировал нехватку свободного времени, чистых воды и воздуха, зеленых массивов и тишины. Капиталистический мир, фундированный интересами повышения прибыли, характеризуется своим остатком в виде совокупности предельно различных видов отходов, которые настолько многообразны, что поддаются самой обширной классификации. Сегодня одной из максимально серьезных угроз для жизни человечества и всего живого становится сам человек, а точнее, его отношение к природе и основанная на этом отношении система деятельности. Угрозой стал одновременно как человек-производитель-капиталист, так и человек-потребитель, «воспитываемый» этим производителем и созданной инфраструктурой потребления (мода, реклама).

По замечанию Д. И. Дубровского, объем воспроизводимых планетой за 1 год ресурсов человечество потребляет за 9 месяцев, но маховик потребительства продолжает раскручиваться: больше потреблять, чтобы больше производить, чтобы еще больше потреблять [Конвергенция... 2012]. Сегодняшнее давление на природу осуществляется далеко не всегда ради благих целей. Значительное давление происходит ради удовлетворения навязанных модой и рекламой фиктивных потребностей, в угоду принципу «потребление ради потребления», своей целевой самозамкнутостью демонстрирующему свою полную бессмысленность. Человек адаптируется к условиям среды, но и адаптирует их к своим потребностям, которые претерпевают рост и трансформации в процессе человеческой истории, перерастая всякие разумные масштабы.

* * *

Еще в конце 20-х гг. XX в. Х. Фрайер высказывал предположение о возможности утраты контроля над техникой [Фрайер 2011]. Также Н. Бердяев заметил, что человек бессилён справиться с техническими силами, которые он высвободил и которым дал ход, а овладение природой неосуществимо через вражду и отчуждение от нее [Бердяев 1916]. Именно в век повышенного комфорта максимально выросли различные риски, что позволило дать современности еще одно название – общество риска [Beck 1992; Бек 2001; Бехман 2007]. Вероятность опасностей теперь зависит не столько от природы и судьбы, сколько от решений человека, последствия которых в современном сложном мире сопряжены с высокой долей неопределенности. Усложнение техники увеличивает риск снижения качества ее управления (также его снижает наблюдающийся культурно-интеллектуальный регресс), вероятность ошибок, которые могут иметь очень высокую цену и приводить к серьезным последствиям. Чем сложнее техника, тем больше в ее работе непредвиденности и неопределенности, что, в свою очередь, актуализирует рост принятия неожиданных решений с малоизвестными последствиями. И чем больший масштаб получает развитие техносферы, тем меньше «свободы» остается у природы. Следовательно, мир становится все более зависимым от человека, от тех, кто принимает решения, кто их проектирует (рассчитывает), и тех, кто стимулирует к определенному вектору принятия решений. *Научно-техническая система обеспечивает человечество, но сама выходит из-под обеспечения. Нарас-*

тание сложности этой системы вступает в противоречие с человеческой способностью этой сложностью управлять.

Разум создал воистину громадную промышленную мегамашину, которая движет цивилизацию вперед. Однако в лице этой мегамашины не перед отдельным человеком или обществом, а перед всем человечеством встала угроза самоуничтожения. И такая угроза стоит перед нами впервые, ибо никогда ранее НТП не достигал масштаба современности. У нас нет возможности посмотреть назад, обратиться к некоему прошлому опыту, к исторической памяти, и ответить на вопрос, как с подобными проблемами было покончено раньше, – ведь подобных проблем никогда не возникало. Потенциальный ущерб от совокупной деятельности имеющихся технологий по степени своей невосполнимости превзошел возможности любого – даже самого богатого – воображения. *Один из показателей масштабности НТП – создание технологий, которые могут привести к невозвратимому ущербу и последствия от функционирования которых необратимы.*

Причем к необратимым последствиям может привести как функционирование одних технологий, так дисфункциональность других. В первом случае мы говорим о сопряженности с огромным ущербом для среды вполне нормальной, то есть не связанной ни с какими поломками, деятельности (например, той, которая создает промышленные продукты и при этом загрязняет окружающую среду). Во втором случае речь идет о поломках, которые способны вызвать катастрофу (вспомним Чернобыльскую АЭС, Саяно-Шушенскую ГЭС). *Ущерб как от функциональности, так и от потенциальной дисфункциональности технологий – показатель прогресса.* Человек стал демиургом в том смысле, что ему открылись колоссальные возможности по преобразованию мира, учитывая новые прорывы в самых разных сферах науки и техники. Но он стал демиургом и в том смысле, что ошибки в решениях или сбой в технологических цепях могут вызвать такие антижизненные явления, какие нашим предкам даже не снились. *Становясь всемогущим в области созидания, человек параллельно с этим обретает всемогущество в области разрушения. Масштаб прогресса обернулся масштабом потенциальной катастрофы.*

Рост влияния научного знания и расширение научно-технической инфраструктуры являются факторами как прогресса, так и рисков, как достижения целей человека, так и глубокой аномалии. Ведь на основе науки создается техническая мегамашина. Общество знания, общество риска и общество потребления – разные названия одного явления. Наука и технология выступают здесь в трех ипостасях: 1) средство диагностики рисков, распознавания в тех или иных явлениях рискованной составляющей; 2) средство разработки новых способов защиты от угроз; 3) источник рисков. Благодаря науке и технологии человек осознает важность проблематики риска, выбора и принятия решений. Но осознание такой важности, в чем и заключается парадокс, основано на понимании ненадежности техники, научного знания, даваемых им рекомендаций и прогнозов. Почти любая рекомендация, любой прогноз в столь сложной реальности меняют абсолютный характер на вероятностный.

Сложная реальность характеризуется неполнотой знания о последствиях внедрения технических нововведений. Чем сложнее технореальность, тем шире прогностическая неполнота и тем в большей степени ускользает управляемость технообъектами. Нарастание сложности определяет рост как вероятности ошибок

в прогнозах, так и серьезности последствий ошибок. «...Масштабное планирование так легко превращается в самопроверяющиеся предсказания. ...В современном мире так легко проигнорировать, не заметить настоящие угрозы и быть убежденным в каких-то фиктивных преимуществах, а еще легче верить в какие-то фиктивные угрозы и не замечать того, что действительно является позитивным» [Марквард 2003]. Ожидания будущего, планирование и прогнозирование все в большей мере расходятся с действительностью, приобретают многовариантность, так как в условиях чрезмерно сложной реальности почти любой прогноз может сталкиваться с бифуркационными процессами, вступать в зону неопределенности и вероятности.

Парадоксально то, что человечество всегда стремилось к конституированию максимально безопасного и комфортного мира для себя. Но постепенно создавая технологии повышения комфорта и безопасности, оно в этих же технологиях создавало риски. Техника, призванная нас обезопасить в одном аспекте нашей жизни, способна снизить безопасность в другом. В течение развития цивилизации одни угрозы были побеждены, но их место занимали новые, и некоторые из них возникали вследствие деятельности человека по борьбе с предыдущими угрозами. *Развитие цивилизации – это вместе с тем перманентная трансформация спектра опасностей и угроз для человека.* И опасность как таковая никуда не исчезла, а в наше свертехнологичное время приобрела максимальную силу, с которой человечество никогда раньше не сталкивалось. Достижение полной безопасности и абсолютного комфорта оказалось невозможным, и дверь в Эдем по-прежнему закрыта для того, кто, согласно библейской фразеологии, был изгнан из рая. Более того, прогресс науки и техники дал нам возможность сформировать «почти райские» условия жизни. Но этот прогресс в своем потенциале содержит возможность превратить данные условия в «почти адские». Техносфера, это проявление искусственного, расширяясь все дальше и дальше, наступает на естественное и тем самым вытесняет человека как такового.

Мало того, сознание становится аутистичным, дерационализированным и дегуманизированным. Оно отстраняется от осмысления опасностей и рисков, закрывается от них, проявляет эскапизм. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, основой дефекта сознания служит механистический детерминизм, редуцирующий мироздание до часового механизма, в котором все предопределено, а потому любые проблемы поправимы, и опасаться нечего. Если мир – часовой механизм, все обратимо и предсказуемо, и нет повода для тревоги. Идея свободы уничтожила ответственность, идея прогресса – память, а идея всеисильности человека – необходимость серьезного предвидения угроз [Кара-Мурза 2010; 2012]. Помимо этого, основой дефекта сознания выступает потребкульт, который не просто отвлекает от осмысления возможностей преодоления рисков, а вообще не позволяет их увидеть, предвосхитить даже в условиях их реального присутствия.

Методология контроля за исчадиями прогресса все более и более отстает от самого прогресса. В мире посредством НТП и соответствующего типа культуры увеличивается разрыв между (ограниченным) мышлением о рисках и воплощенной в поведение этикой, с одной стороны, и самими рисками – с другой. Человечество создает новую сверхсложную технику, своей деятельностью осуществляет технический прогресс, но само в части прогнозирования и предотвращения исходящих от техносферы опасностей не прогрессирует; опасности развиваются

быстрее сознания человека, которое не поспевает за прогрессом. Вероятность риска растёт быстрее, чем человек умнеет.

Каждое поколение призвано преодолевать проблемы своего времени, но каждое новое поколение наследует проблемы прошлого и создает свои; поэтому фраза «угрозы своего времени» потеряла смысл. «...Если все человечество подчинится ценностям потребительского общества, оно столкнется с жесточайшим дефицитом солнечной энергии и невозобновимых ресурсов Земли... Глобальное нарушение человеком баланса природных экосистем порождает эффект бумеранга: когда несущая способность среды многократно превышена, она превращается из поглотителя рисков в их производителя и распространителя. Эти риски, распространяясь и трансформируясь, в конечном счете создают ситуацию, когда *состояние среды обитания начинает диктовать обществу правила игры* не только “здесь и сейчас”, но и на ближайшее будущее. В мировой повестке дня безопасность и наличие ресурсов жизнеобеспечения *вытесняют* благополучие и процветание» [Яницкий 2011: 161, 161–162].

Может быть, человечество пришло к состоянию, когда достигнут (естественно, не обеспечен для всех в условиях экономической поляризации между странами) избыточный уровень потребительского комфорта, комфорт с остатком, который и сопряжен с рисковостью. Вместо дальнейшего продвижения прогресса не актуальны ли, наоборот, его замедление и одновременно как бы заморозка связанных с ним рисков? Возможно, стоит задуматься о важности замены прежнего курса, фундированного ритмикой времени, постоянным движением, на курс застывшего времени.

* * *

Глобальная экологическая катастрофа более чем вероятна, несмотря на идеи постмодернизма, согласно которым мы уже живем в постапокалиптическом обществе, что апокалипсис позади, что нашим апокалипсисом является наступление виртуального, которое лишает нас реального конца. Если эти постмодернистские воззрения относятся скорее к концу не самой реальности, а восприятия человеком и обществом реальной действительности (хотя философия постмодерна склонна к отождествлению реальности и ее восприятия), которая вытесняется потоками симулякров, то симулякризация на уровне потребления – угроза не только восприятию реальности, но и самой реальности.

Становятся понятны отдающие эсхатологией предзнаменования о различных концах – конце истории, экологии, природы и т. д. В эпоху потребления история регрессирует, перед ней нет нового вектора движения. Человек долгое время вел борьбу с природой, породившей и кормившей его. Возомнив себя венцом творения, этот единственный из всех детей природы бунтарь счел свое отделение от нее необходимым фактором прогресса человечества. Сейчас, в эпоху «переразвитого мира», несмотря на очевидную ошибочность такого убеждения, процесс отдаления человека от природы происходит в еще больших темпах. Человек разумный породил человека потребляющего. «Но когда желание оградить себя от самых опасных, смертельных природных явлений преобразуется в стремление к комфорту, к изоляции от всего трудного, от всего неприятного для изнеженного представителя цивилизации, когда поступательное повышение уровня отчуждения от природы становится доминантой развития, когда эволюция подменяется

научно-техническим прогрессом, обеспечивающим все большую и большую степень отчуждения, – отчуждения вплоть до настоящей, крайней враждебности – вот тогда и закладываются предпосылки глобального системного кризиса» [Салин 2010: 78].

Необходим выход науки и практики на более рефлексивный уровень, чтобы минимизировать свою отстраненность от последствий собственной деятельности. Это особо актуально в мире, который характеризуется ростом побочных незапланированных последствий, возникающих как результат функционирования науки и технологий, ради неких утилитарных целей игнорирующих «второстепенное», то есть собственно экологические приоритеты. Отношение к науке также должно измениться. Сегодня наука стала мыслиться не как экспертная область наложения запретов на ту или иную деятельность и предупреждения о последствиях, а как инструмент увеличения благ вслед за растущими потребностями.

Важна ориентация на интенсивный путь развития, при котором увеличивается эффективность использования ресурсов и сокращаются затраты. Но для этого нужен отказ от доминирования потребительской идеологии, которая требует роста потребления, учит каждого позиционировать себя, свой статус, свою значимость наличием модных и дорогих гаджетов последней модели. Однако отказ от культуры потребления вряд ли возможен в условиях капиталистического уклада, следовательно, требуется упразднение господства рынка. Такое упразднение – не просто требование, а показатель современности мышления, актуальности мысли для реалий сегодняшнего дня. Настоятельно необходим примат экологии и этики над экономикой.

Экологизация всеобщего сознания, в свою очередь, является его этизацией и формированием природосообразной модели жизнедеятельности. Необходимо государственно санкционированное внедрение в СМИ экологического контента как антипроявления контента потребительского. Р. С. Сартаева, А. Н. Нысанбаев и А. Сагикызы отмечают весьма важные принципы экологического мировоззрения: 1) принцип целостности (существуют всеобщие связи, мир целостен, и от поведения каждого из нас зависит сценарий будущего состояния мира); 2) принцип коэволюции (совместное развитие человека и среды, из которого вытекает необходимость соотносить потребности человечества и возможности биосферы) [Сартаева и др. 2015]. Формирование экологического мировоззрения, в свою очередь, приведет к формированию экологической культуры, которую есть смысл противопоставить по ее ценностно-смысловым характеристикам культуре потребления. Мир вошел в ту точку цивилизационного развития, когда у каждого человека, у бизнеса и властей появились обязанности перед природой, перед экологией. Вместо антропоцентрического требуется экосистемное (собственно экологическое) мировоззрение, которое должно преподаваться в школе и воспитываться различными способами. Согласно экосистемному подходу, место человека в мире не такое уж большое, и чем большее «пространство» он стремится занять, тем меньше его остается у природы, что, в свою очередь, скажется в конце концов на самом человеке. Мир существует отнюдь не только для человека.

Возлагаются надежды на экологическое образование, цель которого – формирование экологической культуры с ее ценностным отношением к живой природе и окружающей среде [Стукаленко и др. 2015]. Экологическая культура представляется как система знаний, умений и ценностных ориентаций в области

окружающей среды и активной деятельности, направленной на ее сохранение и улучшение. Соответственно, ее образует синтез знаний, ценностей и форм деятельности. Но помимо экообразования необходима серьезная перестройка современной капиталистической системы, которая безмерно перерабатывает ресурсы для создания огромной гаджетосферы и поддержания ее безумного и бессмысленного перманентного построения-изменения-построения ради извлечения сверхприбылей. Только при достаточной информированности о состоянии окружающей среды вместе с воспитательным воздействием система знаний способна перерасти в систему убеждений, которые, в свою очередь, сформируют соответствующий образ жизни.

Современному человеку, голосующему за какую-то резолюцию и принимающему экологические решения, необходимо делать это не только от своего имени, но и от имени своих детей, пусть даже еще не родившихся. Возникает необходимость действовать так, чтобы последствия деятельности были совместимы с поддержанием достаточных условий жизни на планете, удовлетворять свои потребности, не лишая аналогичных возможностей своих детей и внуков. Здесь имеется в виду все многообразие наших деятельных микропроявлений, включая банальное загрязнение окружающей среды бытовым мусором, поскольку малые действия при их большом количестве накладывают уже совсем не малый отпечаток на экологию. Как заметила Е. Н. Князева, следует жить так, чтобы последующие поколения имели условия существования не хуже тех, которые имели мы при вступлении в жизнь [Князева 2015]. И находиться в рамках экологической культуры необходимо не каким-то отдельным активистам-экологам, а каждому члену общества; только всеобъемлющий активизм такого рода способен привести к неуничтожению ресурсов планеты. Имеется в виду не сверхдеятельный активизм, который будет выдаваться на публику подобно классическому активизму. Речь идет о «молчаливом», встроенном в жизнь активизме. Для изменения мира необходимо прежде всего произвести изменения в себе, своих культуре, поведении, образе жизни. Ведь природа – это не что-то отдаленное, отчужденное от нас. Природа – это мы!

Человечеству надлежит снова осознать себя частью природы, переосмыслить свои взаимоотношения с ней. Для этого требуется не руссоистский возврат к доцивилизованности, а прежде всего отказ от признания примитивными и недоразвитыми первобытных и традиционных обществ, сохранивших согласие с природой: они не неразвиты, а просто выбрали для себя иные приоритеты. Преимущественно европоцентричная идеология либо не замечает другие культуры, либо относится к ним свысока, изначально исходя из трактовки современного европейского развития как наивысшего. Для европоцентризма несвойственно рассматривать первобытные культуры как носителей уникального опыта. Для него они недоразвитые, а не альтернативные. Возможно, именно эти культуры показывают нам почтительное отношение к природе. Возможно, у них есть чему поучиться в активном поиске достижения коэволюции природы и человечества. Да и в принципе век безудержного технологического развития требует снова обратиться к традиционализму в широком смысле слова. Традиционные непрогрессистские ценности различных культур обретают сегодня новое звучание, дают возможность отразиться происходящему, поставить вопросы типа «Ради какой сверхцели и сверхценности происходит умножение комфорта и

рисков?», «Куда идет человечество?», «Какие могут быть альтернативы у потребительской техно-цивилизации и как их реализовать?». Обращение к давно забытому старому позволяет не только задаться вопросами, но и найти на них достойные ответы.

Пока же у нас нет оснований ждать милости от природы, учитывая то, что мы с ней делаем. Утратив связь с природой и предпочтя обособленность от нее вместо гармонии с ней, человек, биологически оставаясь природным существом, на деятельностном уровне превратился в существо антиприродное. Сделав природу жертвой, он сам превратился в жертву природы; такая трансформация напоминает некий незримый закон высшей справедливости. «Экологические проблемы предвещают не просто завершение парадигмы глобального роста, обусловленной потребностями ведущих экономик, но могут и вообще означать конец всякого роста» [Белло 2013: 165].

Экологическая безопасность не призвана обеспечиваться для какой-то одной страны и одного народа. Бессмысленно выстраивать эту безопасность в контексте национального эгоизма, так как она может быть лишь равной для всех акторов планетарной системы. Международная экологическая этика – это ограничение свободы действий для человечества в наступлении на природу. Несущая способность экосистем должна стать ограничителем для человеческой экономической деятельности. С. Жижек справедливо замечает, что экологическая угроза самому существованию человечества придает новый смысл слову «мы», охватывающему все человечество, и предполагает, что угрожающая негативность природы – зеркальное отображение негативного отношения к природе со стороны человечества (инаковость природы – негативное ядро бытия человека) [Жижек 2011].

Давление на природу преимущественно носит искусственный характер, превращаясь в откровенную войну с ней. Эта война необходима вовсе не обществу. Она необходима алчному, стремящемуся только к прибыли капиталу, который актуализирует потребительские ценности и «воспитывает» общество в парадигме «купил гаджет – недолго попользовался им (до момента не его слома, а его выхода из моды) – выбросил его – купил новый».

Как заметил М. Б. Пиотровский, помимо прав человека актуализируется значимость прав общества, семьи, культуры и природы [Куда идет... 2010]. Наконец, *интересы и права природы приоритетны, так как они включают в себя интересы и права человека; ведь без природы невозможен ни человек, ни его интересы, ни его права.*

В условиях актуализации новых экологических рисков государство призвано направлять свою деятельность как в сторону устранения последствий человеческого давления на природу, так и в сторону превентивных мер, то есть к предвосхищению опасностей и снижению вероятности их возникновения. Формирование экологического (противоположного потребительскому) сознания играет здесь существенную роль. Охранять природу требуется не только в интересах самой природы, но и в интересах человечества. Идеология потребительства (по сути, идеология вражды с природой) должна смениться идеологией коэволюции человека и природы, ибо их взаимозависимость – очевидный факт.

Литература

- Бек У. Что такое глобализация? / под общ. ред. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2001.
- Белло У. Интервенция как часть внешней политики США // Закат империи США: Кризисы и конфликты. М. : МАКС Пресс, 2013.
- Бердяев Н. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М., 1916.
- Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М. : Логос, 2004.
- Глобалистика. Персоналии, организации, труды. Энциклопедический справочник / под ред. И. В. Ильина, И. И. Мазура, А. Н. Чумакова. 2-е изд., стер. М. : Кнорус, 2016.
- Жижек С. Размышления в красном цвете. М. : Европа, 2011.
- Жутиков М. А. Научная картина мира как фактор его разрушения (взгляд на науку с точки зрения угнетенной природы) // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 144–153.
- Зиновьев А. А. Глобальный человек. М. : Эксмо, 2003.
- Ильин А. Н. Влияние культуры потребления на экологию // Век глобализации. 2013. № 2. С. 113–130.
- Ильин А. Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014.
- Ильин А. Н. Добро пожаловать в пустыню одноразового многообразия: критический анализ консьюмеризма // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2015. № III – 2(23). С. 50–54.
- Кара-Мурза С. Г. Матрица «Россия». М. : Эксмо, Алгоритм, 2010.
- Кара-Мурза С. Г. Угрозы России. Точка невозврата. М. : Эксмо, Алгоритм, 2012.
- Князева Е. Н. Понятие “Umwelt” Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 30–44.
- Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 3–11.
- Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
- Куда идет российская культура? (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 3–59.
- Кутырев В. А. Время Mortido // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 18–29.
- Лю Ф. Размышления о глобальном экологическом кризисе с точки зрения конфуцианства и экологии // Век глобализации. 2013. № 2. С. 38–47.
- Марквард О. Эпоха чуждости миру? [Электронный ресурс] : Отечественные записки. 2003. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_27-pr.html (дата обращения: 25.04.2015).

Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. М. : АСТ, Астрель, 2011.

Салин Ю. С. Гносеологический релятивизм категории времени // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 66–79.

Сартаева Р. С., Нысанбаев А. Н., Сагикызы А. Экология человека в структуре современного научного познания [Электронный ресурс] : Вопросы философии. 2015. № 4. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1150&Itemid=52 (дата обращения: 12.10.2015).

Стукаленко Н. М., Лигай М. А., Еремкова Ж. А. Развитие экологической культуры как фактор культивирования нового сознания личности [Электронный ресурс] : Актуальные проблемы исследования массового сознания: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. В. В. Константинов. М. : Перо, 2015. С. 673–682. URL: http://dep_op.pnzgu.ru/files/dep_op.pnzgu.ru/docs/sbornik_materialov_aktualnye_problemy_issledovaniya_massovogo_soznaniya.pdf (дата обращения: 21.10.2015).

Фрайер Х. К философии техники // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 73–79.

Чумаков А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 3–16.

Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

Яхнин Е. Д. Дарвиновская триада и эволюция // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 105–115.

Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society. 1992. February. Vol. 9. No. 1. Pp. 97–123.